

С не опустил пистолет, а вместо этого направил дуло прямо на Исера, стоявшего поодаль.

Сейчас он пошел на открытую конфронтацию с Арнольдом, проверяя, кто из них осмелится по-настоящему пренебречь безопасностью своего товарища. Даже в состоянии безумия и потери контроля в этом человеке жила волчья натура хищника. Он прекрасно понимал, чем грозит опущенное оружие, и знал, что не сможет спасти маленького ягненка, если поддастся на эту уловку.

Но он испытывал мучительную боль.

Линь Хуайшэн был прямо перед ним. Хотя сам ягненок не видел всего происходящего, С чувствовал, будто предает его. Мужчина стыдился собственного поведения и испытывал болезненную ненависть к Арнольду, который довел ситуацию до такого предела. Если бы представилась возможность, он бы сейчас направил дуло в голову Арнольду.

Этот свирепый, опасный человек обратился к Арнольду:

— Выбирай ты.

Пуля всегда быстрее ножа. С хотел загнать человека, посмеявшего угрожать ему Линь Хуайшэном, в безвыходное положение. Если у того была развита совесть, пусть захлебнется в собственных моральных принципах.

Арнольд крепче сжал рукоять ножа. Жестокость преступников обычным людям трудно постичь; порой, чтобы победить в схватке, приходится идти на огромные жертвы. Но Арнольд не хотел таких жертв.

Внезапно он почувствовал легкое прикосновение. Линь Хуайшэн сам прижался запястьем к основанию большого пальца Арнольда. Раны на запястьях, раны на ладонях — они оба были ранены в эти руки. Если их кровь смешается, это станет клятвой боевых товарищей, скрепленной кровью.

Его юный соратник говорил ему:

— Не бойся.

Исер, пытаясь задобрить Линь Хуайшэна, попросил Арнольда перерезать его путы.

Арнольд уже достал нож, который подобрал в комнате для допросов. Сегодня похитители намеревались покончить с ним, но в какой-то момент тот здоровяк по имени Лион получил сообщение на компьютер и в спешке ушел искать сообщников. Это дало Арнольду передышку: он заметил нож, который использовали против него самого, и сумел его забрать.

Еда, которую Линь Хуайшэн принес вечером, стала неожиданным подарком. Арнольд согласился на план Исера лишь после того, как убедился, что этот азиатский юноша сыт. Он знал характер Исера: слепое давление не даст хорошего результата, он лишь создаст лишние проблемы. Порой согласие было лучшим способом утихомирить его безумный напор.

Дальнейшее произошло так, как произошло. Исер действительно перегнул палку, но его слова напомнили Арнольду об одном важном моменте. Арнольда с самого начала не покидало странное чувство диссонанса, исходящее от Линь Хуайшэна. Оно не было сильным, но интуиция всегда помогала Арнольду цепляться за ключевые детали.

Это был идеальный пример стокгольмского синдрома, но после слов Исера Арнольд не мог не заметить, что поведение Линь Хуайшэна, принесшего еду, выглядит слишком странно. Мужчина размышлял об этом, не сводя глаз с Линь Хуайшэна, и заметил, что его яркие глаза смотрят не на него и не на Исера, а устремлены в темный угол потолка.

Вспышка озарения — и Арнольд всё понял.

Он убрал нож и сказал:

— Нет, он не может развязать узлы.

В этой темноте они видели и понимали слишком мало. Даже если похитителей не было рядом, каждое их движение могло быть под наблюдением.

Он удостоился одобрительной улыбки юноши.

Лион появился с опозданием. Когда сибирский громила, успевший провалиться в сон, наконец пришел, он увидел С с безумным взглядом и пистолетом, направленным на заложника. Это вызвало у него лишь раздражение. Однако присутствие Лиона предрешило исход: Арнольд и Исер были обезврежены.

С крепко прижал Линь Хуайшэна к себе. Пережив этот кошмар, он, словно наркоман, жадно вдыхал запах, исходящий от юноши.

Его сердце еще не успокоилось, казалось, еще секунда — и разум вместе с сердцем вырвутся из груди. С должен был удержать их, поэтому он заключил Линь Хуайшэна в кольцо своих рук, прижимая ягненка к себе так плотно, будто хотел спрятать его в кармане или у самого сердца, если бы тот мог стать меньше.

Все видели, что С ведет себя неадекватно. Арнольд с тревогой смотрел на Линь Хуайшэна — он не знал, что задумал юноша, но оставаться рядом с таким похитителем было смертельно опасно.

Взгляд Арнольда снова привел С в ярость. Расценив это как алчность и провокацию, С выхватил пистолет, и черное дуло, еще дымившееся после выстрелов, уставилось прямо в лицо лежащему на полу раненому Арнольду.

— Эй, эй! Сороконожка, остынь! — Лион поспешно перехватил руку С, взглядом напоминая о договоренностях с Федерацией касательно заложников. Им нужно было сохранить их живыми, чтобы переговоры продвигались успешно.

Линь Хуайшэн, находившийся в его объятиях, вдруг начал беспрерывно кашлять. С опустил голову и понял, что прижал ягненка слишком сильно. Лицо юноши уткнулось в его одежду, пропитанную отвратительными запахами: порохом, кровью, табаком — всё это совершенно не подходило ягненку. Мужчина поспешно ослабил хватку, но не решился отпустить его полностью. Он контролировал ягненка, боясь, что тот упорхнет, забрав с собой его никчемную душу.

С перевел дыхание. Лион был прав. Мужчина с досадой посмотрел на непокорные лица двух заложников. Ему это не нравилось, и, ведя за собой Линь Хуайшэна, он наступил сапогом на голову Арнольда, с силой вдавливая его лицо в пол.

Арнольд стерпел, лишь глухо застонав сквозь зубы, но не проронил ни слова мольбы.

Что до Исера, то С подговорил Линь Хуайшэна поднять ногу.

— Он ведь только что обидел тебя, верно?

Юноша был напуган. Он не знал, кому верить и чью сторону принять — каждый присутствующий был для него пугающе сильным. Рядом был господин похититель, такой отвратительный в своей переменчивости: он мог быть тем самым сильным человеком, которым восхищается жертва стокгольмского синдрома, или же самым страшным убийцей. Но у жертвы не было выбора — он мог лишь заглядывать в глаза этому господину и строить свою жизнь в зависимости от его настроения. Юноша ненавидел это. Но сейчас похититель снова стал добрым, таким теплым и надежным в момент его полной беспомощности, и Линь Хуайшэн инстинктивно последовал совету С.

С хотел отомстить за ягненка и хотел, чтобы Линь Хуайшэн почувствовал удовлетворение. Он сказал ему:

— Наступи посильнее.

Исер, услышав это, проявил строптивость: он не стал молить о пощаде, а, наоборот, поднял голову, чтобы посмотреть на них. Встретившись взглядом с Линь Хуайшэном, он принялся изучать этого ягненка, вызвавшего у него такое любопытство. Лицо Исера было в крови, но держался он непринужденно, словно не верил, что Линь Хуайшэн способен на такое унижение.

Затем пыльный кроссовок прижал его голову к земле. Сила была небольшой. Линь Хуайшэн

лишь символически исполнил волю похитителя. Но этого хватило, чтобы Исер склонил голову, вынужденный признать, что сейчас он лишен всякого достоинства.

Лион нахмурился, и его голос прозвучал весьма недовольно:

— С, это твой паренек?

Взгляд и слова Лиона были направлены на Линь Хуайшэна, выражая его явное недовольство. С носится с ним, как с писаной торбой, и чуть не сорвался на убийство из-за него. Он действительно возвел его в культ. Конечно, Лион никогда не стал бы заступаться за Арнольда — похитители не могут быть союзниками заложников. Лиона просто раздражало, что С потерял голову из-за этого восточного ягненка; так и до беды недалеко. Он не хотел, чтобы их сотрудничество развалилось из-за какого-то заложника.

С проигнорировал его. Он снова связал Арнольда и Исера, причем сделал это с особой жестокостью, специально затягивая узлы на их ранах. Исер поморщился от боли, сдерживая шипение, но даже в этом состоянии нашел повод для горькой иронии: это все же было не так больно, как прежние пытки. Он начал думать о том, что Линь Хуайшэн с самого начала был связан, и теперь он, Исер, оказался в таком же положении.

Исеру захотелось взглянуть на Линь Хуайшэна. Он искал странной, чуждой ему групповой солидарности. Пытаясь приподнять голову, он предавался мрачным и причудливым фантазиям. Ягненок казался любимчиком, но похититель не дарил ему настоящей любви — лишь петли, которые, будь они из золота, могли бы стать символом вечной романтики, но на руках ягненка они были лишь петлями смерти.

Этот непокорный человек в своих мечтах возвел романтику на терновый трон, но, подняв голову, внезапно понял, что ошибся во всем. С развязывал путы на руках Линь Хуайшэна тем самым ножом, который Арнольд использовал для нападения. На рукояти еще оставалась грязная, горячая кровь, а теперь нож служил для спасения. Похититель был покорным и осторожным — Исер видел в этом лицемерие, но ослепленный ягненок наверняка считал это искренностью.

Исер вздохнул про себя, чувствуя необъяснимую жалость.

Лион чувствовал, что его терпение на пределе, но за последние пару дней С своим неадекватным поведением словно приучил его к этому. Лион и С работали вместе много лет, он знал натуру этого мужчины и все еще надеялся, что это лишь временное умопомешательство. Главное, он не мог стать врагом С.

Лион бросил взгляд на Арнольда, затем на Линь Хуайшэна:

— Сороконожка, можешь брать его с собой «по делам», но лучше следи за ним.

Случившееся сегодня стало тревожным звонком для громылы. С был прав: этот человек по

имени Арнольд обладал силой, выносливостью и железной волей — стоило лишь ослабить бдительность, как он пытался нанести ответный удар. И хотя азиат рядом с С казался хрупким, излишняя осторожность была лучше, чем беспечность.

Лион был уверен, что отношение С к Линь Хуайшэну продиктовано самой примитивной потребностью. Хотя он никогда раньше не видел С таким, «старый дом загорелся» — вполне объяснимо. Громила выразился не прямо, но все всё поняли, а его тон по отношению к Линь Хуайшэну был явно высокомерным.

С, остро реагирующий на всё, что касалось ягненка, повернулся к Лиону с ледяным лицом:

— В следующий раз, если нож будет плохо спрятан, я воткну его в тебя.

Сплошная насмешка. Лицо Лиона исказилось, но он не мог отрицать свою оплошность, поэтому промолчал, лишь злобно глядя в спину уходящему С. Но последняя искра товарищества в его сердце окончательно погасла.

С в спешке привел Линь Хуайшэна в свою комнату. Его эмоции били через край. Он даже не заметил, как облегченно вздохнул, закрывая дверь. В этом мирке, где были только он и ягненок, он наконец почувствовал себя в безопасности и расслабился.

Запах крови и пороха, который они принесли с собой, наполнил этот тихий приют. С взял Линь Хуайшэна за руки, внимательно осматривая раны. В них попало много пыли, и, боясь заражения, мужчина первым делом занялся обработкой.

Он усадил его на диван и сказал:

— Держи руки так, я обработаю.

А сам, не раздумывая, сел на пол.

Когда спирт попал в раны, С услышал, как Линь Хуайшэн тихо зашипел. Тот старался держаться стойко, но глаза предательски наполнились слезами. Какой жалостный. С, очарованный и полный сострадания, без разрешения потянулся, чтобы вытереть их.

Как только кончики его пальцев коснулись кожи под глазами Линь Хуайшэна, ягненок коротко вскрикнул и откинулся назад, вглубь дивана, заставив руку С промахнуться.

Он не давал себя коснуться. Все еще злится и не хочет мириться? С почувствовал грусть. Но они больше не могли мириться так легко, как раньше. Его ягненок больше не пойдет к нему без оглядки.

После того как миссия по спасению завершилась, С понял, что он вовсе не герой. В своем выдуманном мире он оставался преступником, бегущим от закона и жаждущим наживы, ведущим дела по принципу товар-деньги. Он не заслуживал любви.

— Так жжет... глаза щиплет.

Тихое бормотание ягненка разрушило фантазии С и вернуло его в реальность. Глаза мужчины, сидевшего на коленях, вспыхнули ярким светом. Он полюбил эту очаровательную жалобу и хотел, чтобы ягненок жаловался еще больше. Ради этого он пошел на дерзость: навалился на ягненка, восседавшего на диване, и они оба погрузились в мягкую обивку.

Это было слишком самонадеянно и невежливо, но мужчина решил договориться:

— Тебе не больно, если я так обниму?

Он пытался с помощью нежности расставить хитрую словесную ловушку, чтобы не дать Линь Хуайшэну отказать. И действительно, Линь Хуайшэн замер от его слов, а затем покраснел от этой необъяснимой, беспричинной нежности. Румянец залил его щеки, доходя до самых глаз, а мочки ушей стали милым дополнением.

— Почему господин спрашивает об этом?

Он все еще нервничал, но смысл этого напряжения изменился. С в этот момент почувствовал себя охотником. Он охотился. Но ему не нужны были ни плоть, ни шкура этого ягненка, он не хотел никакой выгоды. Он просто хотел, чтобы это прекрасное существо было рядом.

— Не хочу, чтобы тебе было больно.

Линь Хуайшэн замолчал. Эта тишина длилась мгновение, которое стало для души грешного похитителя пыткой, заставив безумца, одержимого любовью, возродиться в прежней оболочке.

Он сам потянулся лицом к пальцам С. Мужчина, чья рука случайно испачкалась в спирте, отвел ее и тут же заменил другой, чтобы принять нежность ягненка.

Пальцы С снова коснулись мягкой кожи, но он сдержался, не двигаясь. Это Линь Хуайшэн в своих едва заметных движениях заставлял их температуру уравниваться на этом маленьком участке кожи.

— Я запомню обещание господина, — он выглядел таким счастливым и довольным. — Помоги мне вытереть слезы.

Он открыто просил С о помощи. Конечно, у Линь Хуайшэна было свое оправдание, объясняющее его капризы:

— Глаза правда очень щиплет...

Он ни словом не обмолвился о своей привередливости, из-за которой не мог вынести ни капли боли. С вытер ему лицо, скрывая улики его капризности, и сам стал соучастником этой лжи.

— Я знаю.

Он знал.

Мужчина вытер лицо ягненка, вернув этому ребенку его невинность, и, взглянув на его потрепанный вид, внезапно почувствовал, что больше не может этого терпеть. Он начал искать способ помочь и попытался убедить Линь Хуайшэна:

— Может, примешь душ?

Линь Хуайшэн закусил губу, но железная дверь, запиравшая его сокровища, наконец дрогнула, и он не сдержал улыбки. В этом смехе сквозила дерзкая насмешка и упрек в адрес господина похитителя.

— Господин такой бескорыстный, или такой сильный?

— О себе совсем не думаешь?

Ягненок, лежащий в объятиях мужчины, нарочно принюхался, и крылья его носа едва заметно дрогнули. Даже если бы у него не было ямочек на щеках, похититель легко мог бы найти в любой части тела ягненка повод для своей привязанности.

— Вы ранены, господин.

— Господин уже забыл?

Он упрекал мужчину в его самоуверенной силе, но тут же дарил ему новую сладость:

— Я не могу перевязать вас так, как вы меня, но надеюсь, господин тоже запомнит мои слова.

<http://bllate.org/book/20559/2054838>